

Моя жизнь

Воспоминания С. Е. Незлина (1991 г.)

Я родился 10(23) марта 1892 г. в небольшом местечке Кольшки Витебской губернии – по данным еврейской энциклопедии (том 9, стр. 682, 1913 г.) там проживало согласно переписи 1897 г. 1568 жителей, из них 1127 евреев. Среди последних было много ремесленников (портных, сапожников, кузнецов и др.), которые обслуживали не только местное, но и окружающее крестьянское население, и много мелких торговцев, извочиков. Местечко находилось в 20 км от железнодорожной линии – станции Лиозно, где родился в 1795 г. основатель направления хасидизма – Хабад - раввин Шнеур Залман из Ляд.

Мои родители занимались торговлей и имели две лавки – отец торговал скобяным товаром, а мать мануфактурой. Покупателями были в основном крестьяне из ближайших деревень. В Кольшках было 5 синагог, церковь, и дом для приезжих бедняков, которые появлялись на несколько дней для собирания милостыни, в этом им никто не отказывал. Все евреи соблюдали религиозные обряды и традиции, но фанатиков было немного, преимущественно это были глубокие старики. Местечко было окружено полями, пашнями и лесами. Взаимоотношения между евреями и русским населением были (по крайней мере внешне) весьма удовлетворительные. Почти каждая еврейская семья имела огород, корову, кур.

Мой дедушка **Давид** со стороны матери был человеком очень умным, практичным и энергичным. Он родился в небогатой семье. В 15-летнем возрасте он со своей инициативе поехал в Тамбовскую губернию где у местных помещиков купил партию лошадей, выгодно продал их местным крестьянам и вернул родителям взятые у них займы деньги. Вскоре переехал в Кольшки, в 16 лет женился и построил двухэтажный просторный дом, стал отцом 4 сыновей и двух дочерей. Он занялся торговлей льна, который он покупал у крестьян, подвергал его обработке с помощью молодых деревенских ребят («трепачей») и вагонами доставлял витебским купцам, которые экспортировали лен преимущественно в Германию. Он стал довольно состоятельным и хорошо обеспечивал свою многочисленную семью, дал домашнее воспитание детям, учившимся в хедере. Он был красивый, высокий, представительный, любил хорошо одеваться – костюмы заказывал у лучших витебских портных. Однажды произошел с ним довольно любопытный случай. Одна из помещиц, у которой он покупал лошадей, на основании слухов считала, что у

евреев растут рожки на лбу. Она была несказано удивлена, увидев Давида, привлекательного юношу-брюнета без рожек! Ему была присуща свойственная евреям склонность к благотворительности. Он помогал (иногда без огласки) местным беднякам и был гостеприимным. В субботу за его столом нередко сидел приезжий нищий еврей. Он был честолюбив, его часто выбирали на почетный общественный пост старосты погребального общества («хеврат кадиша»). Несмотря на отсутствие общего образования, он проявлял большой интерес к историческим событиям. Помню, как он следил за англо-бурской войной в Ю. Африке, сочувствовал бурам и их представителю Крюгеру как борцу за освобождение своего народа. Хотя он и ладил с местным начальством (приставом, исправником), но отрицательно относился к самодержавному строю – в основном за ограничение евреев в правах.

Давид Иткин был патриотом еврейского народа, сочувствовал национальному движению. В гостиной на видном месте висел фотопортрет Т. Герцля, он с удовольствием слушал отрывки из истории евреев Греца и рассказы Шолом-Алейхема. Водки он не пил, но по праздникам не отказывался от рюмки вина – из Витебска доставляли палестинское вино Кармель, в доме были также палестинские финики и стручки («боксер»), к Суккот привозили освященные «лулев» и «эсрог» того же происхождения.

Мои дяди (**Вульф, Исаак, Залман и Калман**) благодаря самообразованию владели русским языком, выписывали газеты и журналы, в частности «Ниву» с приложениями в виде собраний сочинений русских классиков. Исаак выписывал еврейский журнал на русском языке «Восход», которым я зачитывался в детском и подростковом возрасте. Моя мама и её сестра тетя **Соня** много читали, Соня получила среднее образование в еврейской прогимназии в Витебске.

Моя мама по рекомендации свата («шатхена») вышла замуж за молодого человека **Хаима** (моего папу) из местечка Дубровны, происходившего из хорошей религиозной еврейской семьи. Интересной личностью был мой дед со стороны отца - **Шлема-Зелиг** (я ношу его имя). Он отличался глубокой и искренней религиозностью. Каждую ночь он вставал в полночь, садился на низкую скамейку, одевал старый надорванный костюм, посыпал голову пеплом и читал специальную молитву и горько оплакивал разрушение храма. В траурные дни (17-ое Тамуза и 9-ое Ава) он в глубокой печали переживал разрушение Иерусалима. В Симхат-Тора (хотя спиртного в рот и не брал) был самый веселый и радостный, как того велел Б-г. Крестьяне, с которыми он вел дела, знали о его глубокой религиозности, и когда он

подъезжал к деревенской избе, хозяин говорил жене – «Выгоняй свиней, Шлемка едет». Он избегал проходить мимо церкви или костела и обходил их на расстоянии. Он соблюдал указания Талмуда о необходимости ежедневного омывания всего тела и находясь в деревне, купался в реке или озере. Однажды в холодный осенний день крестьянин, проезжая мимо озера, увидел, что из озера подымается какое-то существо с длинной свлявшейся бородой. Подумав, что это был «водяной», ездок в страхе сильно стегнул лошадь и поспешно удалился прочь. Шломо-Зелиг был цельной глубоко искренней и предельно честной личностью.

Мой отец, несмотря на религиозное воспитание, по своей инициативе знакомился со светской литературой на иврите и русском. В то время среди наиболее культурных и любознательных евреев возникло новое движение – аскала (просвещение). Представители этого течения, соблюдая еврейские традиции, доказывали, что еврей должен быть знакомым не только с торой и талмудом, но и с др. языками, историей и общечеловеческими ценностями. У них был лозунг – «будь евреем в своем деле и человеком вне его». Одним из наиболее известных пропагандистов этих взглядов был талантливый писатель Иегуда-Лейб Гордон, который оказал большое влияние на мирозерцание моего отца. Отец обладал незаурядными способностями и исключительной памятью. Он знал наизусть весь Танах. При других обстоятельствах из него наверно вышел бы крупный ученый. Но в повседневной жизни был непрактичным и в какой-то степени чуждоватым и даже беспомощным. Он очень любил музыку и с молодости играл на скрипке, но при пожаре она сгорела и на этом его музыкальное увлечение закончилось. Подобно своему отцу, моему деду, он был необычно честен, правдив и с отвращением относился ко лжи и фальши. В течение 15 лет он занимался мелкой торговлей, имел лавку скобяных товаров, его клиентами были крестьяне. В то время пахали сохой. Отец впервые из Витебска получил плуги, которые немедленно были раскуплены. В душе к занятием торговлей он относился с неуважением и хотел, чтобы его сыновья обучились ремеслу (например, столярному) и не пошли по торговому пути. И если мы оба (я и брат Вениамин) получили высшее образование, то этим мы обязаны своей умной незабвенной маме. По характеру отец был скрытным и обидчивым.

Со стороны бабушки по отцу (Либа) были у нас известные родственники – Аронсоны. Один из них, **Шломо Аронсон** (1862-1935), был много лет главным раввином Киева (1906-1921), и помогал организовывать юридическую защиту Бейлиса. Он был сионистом и уже в пожилом возрасте в 1923 г. уехал в Палестину,

где был главным раввином Тель-Авива вплоть до своей кончины. Один из его братьев жил в Харькове, пользовался среди местных евреев авторитетом и одно время был председателем Харьковской еврейской общины. Третий брат – **Зелиг-Ицхак** – стал известным писателем на идиш.

Моё первое воспоминание относится к возрасту 2,5 года, когда делали обрезание моему младшему брату